

Дослушав историю с не самым счастливым концом, Сюй Чжицю не казался особо тронутым. Хотя он и бросил дежурное «какая жуть», уголки его губ даже не дрогнули. Старшина внешнего круга поинтересовался:

– Он тебе не нравится?

Мировоззрение этого соученика, к которому он раньше толком и не присматривался, разительно отличалось от нормального. Впрочем, даже если бы Сюй Чжицю выдал что-то эдакое, вряд ли это кого-то удивило бы.

– Да не то чтобы не нравится, – подперев подбородок, протянул Сюй Чжицю. – Просто выпендривается слишком много.

– ?

И всё же предугадать реакцию этого человека было невозможно: не успел старшина обрадоваться, что его ничем не прошибить, как тут же оказался потрясен новым заявлением. Сперва он машинально покосился на Дуань Минцзя, который уже отошел достаточно далеко и вряд ли мог их услышать, затем с облегчением выдохнул, открыл свой единственный нормально открывающийся глаз и переспросил:

– ...Выпендривается?

– Ещё как. С чего бы в этом мире существовать идеальным святошам без единого изъяна?

Сюй Чжицю, заметив, что испачкал палец в туши, отряхнул руку и добавил себе под нос:

– Наверное, умирая, он думал: «Какого черта я прожил такую короткую жизнь? Знал бы – дал волю истинной натуре и пожил бы в свое удовольствие».

В слухах этого парня вознесли до небес, приписав ему святость и напроочь лишив всяких человеческих страстей. На него навесили столько благопристойных ярлыков, что либо у сказителей были проблемы с головой, либо сам он страдал преизрядным нарциссизмом, раз завязал собственный разум в узел ради создания безупречного образа.

Логика его рассуждений и впрямь разительно отличалась от общепринятой, а высказывания в любом смысле звучали донельзя дерзко. Старшине было трудно поддержать столь специфическую беседу, оставалось лишь выдавить:

– Вот оно как...

Сюй Чжицю, впрочем, и не планировал продолжать разговор. За сегодняшний день он наговорил больше, чем за весь прошлый год, поэтому просто спросил:

– Я тебе нравлюсь?

– ...

Каждая его фраза оказывалась полной неожиданностью. Опасаясь ляпнуть лишнего и подтвердить то, чего не было, старшина тут же собрал свои манатки и поспешил пересесть к остальным соученикам.

Проводив его взглядом, Сюй Чжицю усмехнулся, опустил голову и принялся выписывать тончайший контур вокруг своей черепахи.

За целый день учебы познания в живописи остались на нуле, зато в его распоряжении появилось истинное произведение тушевого искусства, которое к вечеру он прихватил с собой в качестве подарка для Тунцзы.

Шедевр занял почетное место на стене, мгновенно облагородив всё убогое убранство комнаты. В отменном приподнятом настроении Сюй Чжицю решил проверить, как там поживает подобранная черная змея.

После дюжины мощнейших целебных пилюль с того света вытащишь даже покойника. Черная змея выжила: со слов Тунцзы, она весь день пролежала на столе без движения. Но стоило Сюй Чжицю приблизиться, как рептилия ожила – змеиный хвост обвился вокруг его запястья, медленно затягивая кольца.

Получился довольно уродливый браслет. Тунцзы наблюдал за этим со стороны, затаив дыхание и до смерти боясь, что тварь вопьётся хозяину в руку, но Сюй Чжицю ни капельки не смутился – он даже поднял руку, чтобы получше разглядеть обновку.

И правда, неказисто, зато забавно. Поигрывая змейкой, он бросил Тунцзы:

– Сегодня повстречал друга Чэнь Цзиншаня. Знаешь Дуань Минцзя?

– Слышал краем уха, – Тунцзы подсел ближе и, задрав голову, спросил:

– Он тебе что-то сделал?

– Да нет, нормальный парень, – подумав, добавил Сюй Чжицю:

– Только вкусы у него сомнительные.

Развивать мысль о том, почему именно вкусы сомнительные, он не стал, а вместо этого уткнулся в свою легкую книжонку.

Черная змея на запястье плавно шевельнулась, приподнятая плоская головка сузила кровавые зрачки, после чего рептилия вновь послушно прижалась к коже.

Время в горах течет незаметно: рассвет сменялся закатом, день сменял другой, а господин Даомин, обещавший вскоре вернуться из отлучки, так и не объявился. Тунцзы же переписывал свое наказание раз за разом.

Пятнадцатого дня шестой луны простые люди отмечают праздник в честь наступления лета – в эту ночь зажигают бесчисленные огни, горящие до самого рассвета. Обычай этот существовал во всех уголках шести континентов, и он оставался единственной общей традицией для адептов секты Сюаньшань, собравшихся сюда со всех концов света.

Каждый год в этот день в обители объявлялся выходной и ненадолго отменялся ночной комендантский час, позволяя ученикам, оторванным от родных домов и преодолевшим тысячи ли пути, беспрепятственно покидать пределы секты. Они могли спуститься с гор или направиться в ближайший городок, чтобы отдохнуть, повеселиться и насладиться праздником. Именно об этой возможности погулять внизу упоминал ранее господин Даомин.

Правда, сам он явно не успевал вернуться. Сюй Чжицю тоже не испытывал тяги к суе: с самого утра он маялся от безделья, развалившись под карнизом с новообретенной книжицей в руках, пока Тунцзы рядом растирал целебные травы в порошок.

Так бездарно прошел весь день, но с наступлением сумерек, когда над сектой вспыхнули яркие огни, в воздухе неуловимо повеяло чем-то непривычным.

Сегодня на горе выдался редкий вечер без тумана. Стоило подойти к краю двора и бросить взгляд вниз, как открывался вид на нескончаемый людской поток, движущийся по белокаменным ступеням, и на слияние мерцающих огоньков вдалеке в единое теплое желтоватое море.

Там раскинулся ближайший к секте городок. Соседство с обителью бессмертных делало его безопасным и процветающим местом, где простой люд жил в сытости и покое. По слухам, за последние годы границы города значительно расширились, так что теперь там наверняка

можно было увидеть немало диковинных пейзажей.

Сюй Чжицю зачитался до легкой дремоты, лениво зевнул полулёжа, приподнял веки и заметил, что Тунцзы, увлекшись измельчением трав, незаметно сместился к самым перилам двора и теперь, прижавшись к ним обеими ладонями, во все глаза глядел на далёкие горы.

Ветер растрепал его короткие волосы, от морозного воздуха уши покраснели, но коротышка казался совершенно к этому глух – круглые глаза под чёлкой жадно впитывали единственный оазис света среди заснеженных хребтов.

Сколько он уже провёл в горах? Выпасть наружу удавалось лишь по самым редким праздникам.

- ... -

Внезапный порыв ветра зашуршал листвой, заглушив тихий вздох.

Сюй Чжицю захлопнул книжку, скосил глаза на стоявшую рядом чайную чашку, бездумно поболтал её на весу, а затем позвал:

- Тунцзы.

Услышав зов, тот мгновенно обернулся, заметил пустую чашку и, подбежав вприпрыжку, затараторил:

- Чай закончился? Я мигом поставлю воду!

Короткие ноги перебирали быстро, но Сюй Чжицю двигался ещё быстрее. Когда мальчишка проносился мимо, он протянул руку и бесцеремонно прижал его за макушку:

- Чай не хочу. Вина бы.

Адептам секты пить запрещалось, в округе никакого алкоголя не водилось, да и ему, полумёртвому калеке, спиртное было заказано. Чувствуя себя так, будто его впечатали лицом в грязь, Тунцзы озадаченно повернул голову:

- Но ваше здоровье...

- Да куда уж хуже? Пара глотков погоды не сделает.

Уговоры не возымели действия. Уж если Сюй Чжицю что-то взбрело в голову – он непременно добьётся своего. Опираясь на косяк, он поднялся на ноги и направился в комнату со словами:

- В городке найдётся выпивка, пошли.

Его кривая логика неизменно обладала какой-то странной убедительностью. Тунцзы сперва подумал, что в этом есть резон, потом сообразил, что что-то здесь не так, но останавливать господина было уже поздно – оставалось только семенить следом, на ходу выкрикивая:

- Только чур много не пить!

Сюй Чжицю вернулся в комнату переодеться. Пытавшегося прорваться следом Тунцзы он просто вышвырнул пинком.

Хотя сегодня ученикам разрешалось отлучаться, появляться за пределами секты в форменных одеждах запрещалось. В шкафу среди цветастых шелковых нарядов, присланных ранее Чэнь Цзиншанем, он отыскал простую хлопчатобумажную одежду, купленную когда-то на рыночной улице, и быстро переоделся.

Выходя со двора, он ещё не ощущал праздника в полной мере, но стоило ступить на нефритовые ступени, ведущие с горы, как до Тунцзы наконец дошло, что они действительно идут гулять. Он подпрыгивал на каждом шагу, источая неиссякаемый запас энергии.

Посёлок у подножия носил название Лоюнь-чжэнь – Облачный Спуск, поскольку горные туманы вечно клубились здесь, опускаясь к земле так низко, будто облака падали прямо на крыши домов. Со временем посёлок слился с разросшимся городом, и после расширения границ эта часть превратилась в торговую улицу Лоюнь.

Места было просто не узнать. Некогда тихий, сонный городишко гудел растревоженным ульем; по обеим сторонам улицы выросли новенькие дома, на каждом крыльце покачивались алые фонари, заливая толпу пляшущими тенями.

Заявив, что они идут выпить, Сюй Чжицю вовсе не спешил направляться к трактиру – он шёл медленно, шаг за шагом, в то время как Тунцзы порхал вокруг него птичкой, нагруженный горой каких-то безделушек. Причем, проявляя заботу, мальчишка всё покупал в двух экземплярах, не забывая и про долю господина.

Когда пятивершковый коротышка уже физически не мог удержать в руках ни единой лишней вещицы, Сюй Чжицю бросил на него мимолетный взгляд и наконец сменил курс, неторопливо направляясь к большому винному дому.

Внутри царило столпотворение: стоило переступить порог, как в уши ударила волна шума, гомона и густых спиртовых ароматов.

На первом этаже свободных мест не осталось, поэтому Сюй Чжицю поднялся на второй и занял тихий столик в самом углу. Подобежавший юркий половой живо поднес ему кувшин с подогретым вином.

Народ и правда валил валом. Едва он успел усеститься, как за соседним, доселе пустовавшим столиком тоже устроилась компания молодежи, с заметным смущением втягивающая носами пьяный воздух.

Некоторые физиономии узнавались безошибочно: как ни рядись в гражданское платье, а торчащие из-за пояса мечи выдавали в них учеников школы Небесного Меча, тайком сбежавших в город погулять.

Песни и танцы на первом этаже как раз подошли к концу, уступив место сказителю. Сюй Чжицю отвел взгляд от соседей, сделал глоток теплого вина и, слегка опустив ресницы, перевел внимание на толкующуюся у помоста публику.

Удар гонга возвестил начало:

– В прошлый раз мы сказывали о Звуче белее снега из Южного континента, а нынче поведем речь об Изумительном мече смертного мира!

Сидевшие за соседним столиком адепты меча заметно оживились и тут же вытянули шеи. Сюй Чжицю, прежде встречавший этот титул лишь на страницах сомнительных цветастых книжонок с выдуманной любовными интрижками и не имевший понятия, о ком именно идет речь (спросить было не у кого, ведь никто вокруг не разделял его любовь к легкому чтиву), тоже слегка заинтересовался. Сделав еще один глоток слабого вина, он насторожил уши.

До того как лоюньские улочки превратились в шумный торговый тракт, на самом краю Северного континента возвышалась клыкастая горная вершина. Гору круглый год заносило

снегом, там царила кромешная тьма, и те, кто уходил туда в поисках неведомого, неизменно с концами исчезали в белой мгле.

Поймав себя на мысли, что название звучит подозрительно знакомо, Сюй Чжицю тихонько спросил Тунцзы:

– Слушай, я ведь бывал в тех краях? На той самой ледяной горе на самом отшибе?

Тунцзы кивнул.

Он явно собирался что-то добавить, но, взглянув на лицо увлеченного господина, благоразумно прикусил язык и молча вернулся к рассовыванию поклажи.

Какое совпадение. Декорации истории подозрительно совпали с местами, где его носила нелегкая, отчего степень погружения в рассказ мгновенно возросла. Сюй Чжицю молча подлил себе второй кубок, продолжая вслушиваться.

<http://bllate.org/book/18820/1865178>